

Излишне еще раз сообщать, что означают эти *львы* и этот *дракон*. Нужно лишь вспомнить. Но вновь вчитаемся в текст. На этот раз будем держать под исследовательским прицелом пары: *лев* и его химический прототип, *дракон* и его химическое подобие. Истина для алхимика лишь тогда истина, когда отыскивается и подается в соответствующей алхимическому мышлению форме — неповторимой, непреходящей. В самом деле, разве так уж безразлична символическая аналогия, как бы дублирующая превращения свинца? Такой прием — не только аналогия. В нем идея персонификации — в данном случае анимализации — превращающихся минералов или металлов. Уз на в а н и е удваивает мир: мир реальный — свинец, его окислы и соли; мир символический — перипетии нелегких судеб *льва* и *дракона*. Мир средневекового человека двумирен. Реальный мир как раз менее всего реален по сравнению с миром вторым, сконструированным. Алхимическая феерия телесно воссоздаст действо, включающее воспринимающего этот рецепт, — того, кто должен его воспроизвести. Этот второй, символический, план истиннее первого, потому что менее всего связан с действием — занятием мирским, обыденным. Он отождествлен со священнодействием, а потому исполнен высшего смысла. Еще раз: с одной стороны, дело это делает рука, с другой — деяние это творит десница.

Дракон, проглатывающий собственный хвост, — один из главных алхимических символов, сфокусировавший многократность сакральных рождений-умираний¹.

Трансмутации свинца — переодевания *льва* — можно толковать и на аллегорический лад. Тогда это лишь картинка, наглядная, так сказать, агитация? Едва ли... Когда же в живую ткань алхимического рецепта вторгается вдруг такое: «*Киммерийские тени покроют реторту своим темным покрывалом и ты найдешь внутри нее истинного дракона, потому что он пожирает свой хвост*», — символ-аллегория вспыхивает символом-метафорой.

Алхимический рецепт — практическое предписание; но и произведение искусства: алхимия — *artificium* — ремесло-искусство; алхимик — *artifex* — мастер-ремесленник-искусник.

¹ Уроборос александрийских алхимиков (греч. *ὄφιοβόρος*) — свидетельство переосмысленной халдейско-вавилонской традиции, соприкоснувшейся и с египетским магико-герметическим искусством, которым ведал Тот, египетский бог алхимиков и магов. Если продолжить круг возможных, не вполне строгих, ассоциаций, то *Змей-искуситель* в ветхозаветном контексте может быть соотношен с божественным знанием, открытым человеку *падшими ангелами*. Теперь уже человек может соперничать с богом. Он богоравный алхимик. Но и это еще не все. *Змей*, проглатывающий собственный хвост, в неоплатонических учениях символизирует идею замыкания на себя бесконечно *мирового ума* и бесконечной *мировой материи*. Они едины. «*Все есть Одно*». Много позже, как утверждают некоторые, свернувшаяся в кольцо змея подскажет во сне химику Кекуле циклическую формулу бензола, а змею и чашу с ядом вслед за *Асклепием-Эскулапом* медики провозгласят своей эмблемой — где-то во времена *Парацельса* (XVI в.). Так *эликсир* zlato-серебротворящий в игре произвольных сближений обернется *эликсиром долголетия, вечного здоровья, вечной жизни*.